

состоит в том, что «при чтении романов наша чувствительность возбуждается до весьма высокой степени, хотя нам и невозможно употреблять ее в пользу чрез какое-нибудь добродетельное дело, и сии душевные движения, которых мы, может быть, никогда не испытаем в такой силе, истощаются без всякой действительной пользы. Молодые люди, начитавшись романов, нередко получают некоторое равнодушие, которое бы доставили им опыты в свете, но которое не имеет хороших сторон сей самой опытности».⁷²

Второй, главный довод, почему «чувствительная литература», по мнению Полуденского, не только не является полезной, приводящей в совершенство добродетельные наклонности людей, но даже вредной, заключается в том, что «предметы сострадания, изображаемые нам романами, не походят на те, коим помогать мы должны, точно так, как наши крестьяне не похожи на пастухов аркадских; и часто молодая девица, проводя целую ночь в чтении и оплакивании Шарлотты или Юлии, не трогается положением ее ближней соседки, которая придет изобразить ей простым языком, с неприятным тоном, что она не имеет куска хлеба дать своим детям. Мы так коротко знакомимся с большими несчастьями, что недостает у нас чувствительности для несчастий обыкновенных. Но для нас важно помнить то, что бедность имеет право на нашу помощь даже и тогда, когда она кажется нам отвратительной, и что мы не должны почитать себя чувствительными и милостивыми за то только, что чувствительны к вообразительным картинам злополучия».⁷³

И хотя прямо в статье об этом не говорится, но всем ходом рассуждений она подводит читателя к выводу, что основная ценность литературного произведения заключается в его соответствии жизненной правде. К писателям предъявляется требование создавать не развлекательную литературу, не легковесные произведения, как «нынешние романы»; которые «ни к чему не служат, кроме только к неге», но произведения, воспитывающие в людях «благородство», раскрывающие в них «достоинства нравов», стремление оказать реальную помощь, облегчить тяжелое положение своих сограждан, не имеющих «куска хлеба дать своим детям».⁷⁴

Активная борьба, в которой в 90-е годы утверждалось сентиментальное направление, широко отразилась и в рукописной ли-

⁷² Там же, стр. 389—391.

⁷³ Там же, стр. 391—292.

⁷⁴ Там же, стр. 392. Ср. с рецензией на книгу «Странные приключения Дмитрия Магушкина, российского дворянина», напечатанной в «Московских ведомостях» 22 декабря 1798 г., где книга особенно ценится за то, что она не несет скуки, «которая часто встречается при чтении романов, наполненных одними только умовоображениями писателей».